

ПОГРЕБ

По железным дорогам, по тюрьмам, по казармам, по вокзалам, в лесах за мшистыми пнями, в хвостах у раздаточных пунктов, на базарах в ожидании облавы, по всей земле российской, по всем бывшим и не бывшим городам, при всех зеленых, белых и красных, в жару и слякоть, в белопенную вьюгу и оттепель человеческое тело научилось сжиматься и сокращаться: в теплушке лежали как поленья -- штангами.

Лежали чуть ли не в три ряда, валетами -- своя голова меж чужих ног, своими ногами оплел чью-то голову.

Сперва барахтались, швырялись мешками, дубасили друг друга по спинам, к стенкам придавливали, а потом притихли: вечер надвинулся, темень обволокла, единственная -- барская -- свеча спертого воздуха не выдержала, задохнулась, спички гасли. Плакала девушка-беженка, -- тихонечко, боясь слово молвить: костлявая рука под юбкой шарила, мерзкая рука, невидимая -- сотни, сотни рук снизу, с боков.

И в первую же ночь за Одессой придушили в темноте ребеночка солдатским сундучком, старорежимным, обитым зелеными жестяными полосками.

А поутру на остановке понатужились (человеческое тело умеет сокращаться), еще больше сжались, еще тесней сдвинулись и выудили из недр мертвого и мать его, простоволосую черниговку, как будто живую -- из угла к двери передавали, по рукам: сначала трупик, за ним мать, а за матерью корзинку.

И, выкинув, понесся поезд дальше.

В поезде теплушка N 233521, а в теплушке с мешочниками, с солдатами три беглеца -- три человеческие развороченные души, пожелавшие отдыха и спокойствия по ту сторону России, там, где поезда отходят по звонкам и где за вошь, говорят, ученые исследователи деньги платят.

Три человека, один другого не знавшие: штабс-капитан Синелюк никогда не слышал о присяжном поверенном Вересове, а Давид Пузик не подозревал, что лежащие рядом -- белокурый, поджарый, в пиджаке с бахромками и широкоплечий очкастый брюнет в гимнастерке -- вместе с ним побредут, крадучись лесом, к Днестру.

Штабс-капитан пешком прорезал всю Россию вдоль и поперек: от Уфы к Царицыну и от стен царицынских, заалевших над трехцветным флагом, назад, назад, в сумбурной толчее, мимо брошенных обозов, в океан шинелей, большаком, полями, рощами, степями -- назад, назад, вплоть до немецких колоний Новороссии.

И смертельно устал штабс-капитан Синелюк от чужих паспортов, от бесконечных фамилий, с Иванова до Чавчавадзе, и регистрации.

Присяжный поверенный полтора года вьюном вертелся при каждом стуке в дверь, прятал под половицей кольца, золотые часы, письма Милюкова за время своего председательствования в губернском кадетском комитете, и в Париж потянуло: не то к Милюкову за правдой, не то прочь от обысков.

А Давид Пузик с Милюковым не переписывался, Царицына не брал и не отдавал, но нес на себе три креста, тройную тяжесть: был он евреем, торчала у него на носу катастрофическая бородавка с хвостом до губы, и была фамилия, -- за первое били, над вторым издевались, от третьего житья не стало.

От весны до осени метался Пузик по городкам; солнце вставало -- вставал Пузик и покидал Голту: подходили зеленые, в лесу ландыши цвели, и в Голте заколачивали ставни, матери хватали детей, старики брели наугад. Солнце исходило в пламени на зените -- Пузик огородами, пашнями пробирался к станции: атаманша Маруся подкрадывалась к подушкам, к синагогальным подсвечникам. Солнце закатывалось -- Пузик удирал из Вознесенска: на тачанках, с грохотом и гиком вваливались ангеловцы.

Сколько ночей может не спать человек? Спят поля, небо спит в вышине, звезды -- и те дремлют, а Пузик не спит: надо каждую минуту оглядываться, надо каждый миг настороженно прислушиваться, ловить то стук копыт, то пьяную песню, надо, надо...

И Пузику ясно, что нужна ему Палестина, что нужен ему кедр Ливанский, прислониться к нему, вытянуть одеревенелые ноги и, взглянув на небо, еврейское, заснуть у гробницы Рахили-праматери детским благостным сном: будь благословен господь бог, посылающий покой усталым глазам...

И бородавка тоже: кажется, есть махновцы, есть женщины-атаманы, атаманы-волостные писаря, лезут из лесной гущи беглые прапорщики -- охотники за черепами, -- можно ведь о бородавке забыть, о той самой, про которую много лет назад Яков Мильхикер, фармацевт, острослов и корреспондент "Биржевки", молвил: "Комета в кругу исчисленных светил". "Биржевки" давно уже нет. Мильхикер где-